

Пушкарев Е.А.

кандидат юридических наук
ГУВД Краснодарского края

БЕЗОПАСНОСТЬ НАРОДА В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация:

Национальную безопасность следует интерпретировать как способность государственно-территориальной и духовной общности российских граждан удовлетворять, несмотря на объективно существующие угрозы, те потребности, которые необходимы для обеспечения их самосохранения как нации.

Ключевые слова:

Национальная безопасность, безопасность народа, государственность.

Pushkarev E.A.

Candidate of Law,
Department of Internal Affairs of Krasnodar Region

SAFETY OF PEOPLE IN SYSTEM OF NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

The summary:

National security should be interpreted as the ability of state and territorial and spiritual community of Russian citizens to meet, despite the objectively existing threats, those needs that are necessary to ensure their survival as a nation.

Keywords:

National security, the safety of the people, statehood.

Социальные патологии и противоречия, охватившие под флагом «всеобщей либерализации» российскую государственность, крайне негативно сказались на «самочувствии» российского народа, вылились в его обнищание и высокий уровень смертности. Основные экономические показатели конкурентоспособности страны ставятся политической элитой во главу угла национальной безопасности, рассматриваются как первостепенные и приоритетные. Пропаганда через СМИ индивидуалистического мировоззрения приводит к коррупции и криминализации государственной службы, к социальной безответственности бизнеса, к резкому материальному расслоению населения. По словам О.В. Мартышина, «свертывая правовое регулирование под флагом защиты частного предпринимательства и коммерческой тайны, власть выпускает из рук рычаги управления, придает процессу капитализации стихийный характер, содействует формированию "дикого капитализма"» [1; 10]. Остановить и обратить эти негативные процессы в спячку возможно только при кардинальном пересмотре социальной политики, восприятию интересов индивида не в качестве отдельного элемента национальной безопасности, а как гармонично вытекающих потребностей из ценностных устоев российского общества и государства. Знаменитый русский философ В.Н. Татищев естественное состояние российского общества видел в следующем: «Если я всякое общенародие уподоблю человеку, то рассматривая его состояние, правительство душе, а подвластных телу уподоблю, и потому правитель должен, яко отец о чадах, и господин дома о приобретении всем пользы и покоя прилежать, вредительное пресекать и отвращать, а обидимых судом защищать и оборонять. Возмездно же тому подданные должны, яко чада и рабии, верный и покорный быть и все не токмо повеление его безпрекословно исполнять, но всеми возможными ему советом и делом вспомогать и противное его власти, чести и силе, не ожидая повеления, благоразсудно и ревностно отвращать»[2; 119-120].

Принятые в 1992 году Федеральный закон «О безопасности», в 1997 и 2000 годах Концепции национальной безопасности Российской Федерации свидетельствуют о том, что государство официально признало положение, в котором находится Россия, как опасное, что обязывает принимать экстренные меры по его исправлению. В тоже время приоритеты в Законе однозначно определяются в пользу личности, далее общества и государства. Новая же редакция Концепции акцентирует внимание на центральной роли государства в обеспечении национальной безопасности. Это логично в контексте концептуального определения безопасности, из которого следует, что суверенитет, носителем которого является российский народ, реализуется в форме публичных институтов, а это — государство и местное самоуправление. Доктринальная разница этих двух документов состоит в том, что в Концепции государство провозглашено приоритетным по отношению к другим компонентам, поскольку, не обеспечив безопасность государства, нельзя обеспечить национальную безопасность страны. Так, вполне очевидной здесь выглядит установка на укрепление российской государственности как основная задача в сфере обеспечения национальной безопасности.

Более того, упомянутые в Законе и Концепции «права и свободы, демократия, конституционный строй» являются, как видится, не жизненно важными ценностями российского народа, а общеинтеграционными, обеспечивающими всего лишь вынужденное взаимодействие и жела-

ние каждого жить в соответствии со своими ориентирами. Формально Россия приняла международные права человека, но русский менталитет им сопротивляется. Необходимо в законодательство о национальной безопасности вносить ценностное измерение, связанное с такими категориями как мораль, совесть, долг, справедливость, преданность. Они позволяют отражать ситуации, в которых люди не только стремятся получать материальные блага, проявлять заботу только о себе или своих близких, но и преследовать общественно значимые цели, совершать общественно-полезные поступки, сохранять чувство гражданского достоинства. Именно они соответствуют укладу жизни российских народов, служат их самоидентификации, интеграции, стабильности, а стало быть — сохранению жизнеспособности нации и России в целом.

В русском народе, как и во всех других народах России совершается процесс деперсонализации, т.е. духовные личностные начала перестают быть переживаемыми и осуществляемыми человеком, в частности, под влиянием деперсонализирующей масс-культуры. Информационная экспансия по заданному шаблону неспешно «формирует» в экономике, в политике, в обороне, в информатике, в духовной и в других сферах нашей государственной, общественной и личной жизни прежде всего те направления развития, которые определяют дальнейшую судьбу России как интеллектуального и сырьевого придатка нынешнего цивилизованного мира.

В рамках статьи следует остановиться на проведенном О.А. Ариным сравнительном анализе фундаментальных внешних интересов России и США через Концепцию национальной безопасности России и Стратегию национальной безопасности США. Интересы, по его мнению, совпадают в озабоченности международным терроризмом, наркобизнесом, проблемами экологии, распространением оружия массового уничтожения. Однако во всех остальных подходах существенные различия.

Так, в Концепции национальной безопасности признается, что «национальные интересы России в международной сфере заключаются в обеспечении суверенитета». В американском же документе идея суверенитета отсутствует, видимо, как не имеющая большого значения. К жизненным (фундаментальным) интересам США отнесены «физическая безопасность ее территории, а также союзников, безопасность граждан, экономическое благосостояние общества и защита ключевых инфраструктур, содействие демократии и утверждению прав человека за рубежом». Последняя как раз и дает Америке «право» вторгаться во внутренние дела тех стран, у которых, по мнению Вашингтона, не все в порядке с демократией и правами человека.

В Российской концепции говорится, что национальные интересы РФ в международной сфере заключаются «в упрочении позиций России как великой державы — одного из влиятельных центров многополярного мира». В американском же варианте четко утверждается, что «Соединенные Штаты остаются самой мощной силой в мире, отстаивающей мир, процветание и универсальные ценности демократии и свободы». Кроме того, если РФ настаивает на «равноправных и взаимовыгодных отношениях со всеми странами», то США четко оговаривают, какие государства «достойны» равноправия с ними, а какие являются «изгоями»[3; 391]. Названное различие в понимании содержания национальной безопасности ведет к межгосударственным противоречиям, политике «двойных стандартов» по отношению к России, что не способствует упрочению международного правопорядка и внутригосударственной стабильности.

Следует констатировать, что Россия при отсутствии внешних глобальных катаклизмов, тем не менее, потерпела сокрушительное военное поражение в «холодной войне», которая отбросила страну в эпоху дикого капитализма. Запад и, прежде всего, США одержали победу с помощью новейших информационных технологий, а точнее сказать — дезинформационных методов и средств ее ведения. Американская политико-экономическая стратегия передела мирового устройства реализует принципиально иную новую цель — «мирными средствами» низвести положение России до уровня неправомочного придатка цивилизованных стран. В результате такой информационной экспансии человек начинает сознавать себя не столько как личность, сколько как индивидуальность, с непониманием содержания и качества личной свободы, с неумением верно оценивать себя, со слабо развитым нравственным чувством. Индивидуализм стал главной безнравственной особенностью времени, так как не только не имел сдерживающих начал, но и всячески поощрялся и культивировался «четвертой» властью. Личностный кризис есть самое яркое выражение нравственного и духовного кризиса российского общества. Однако ясной и конкретной национальной цели противодействия России этим устремлениям США, способов и путей сохранения своего веса в мировом сообществе в тексте Концепции не усматривается. Общий вывод заключается в том, что содержание Концепции необходимо было бы привести в более строгое соответствие с реалиями социально-экономической ситуации в стране, с имеющимися наиболее опасными угрозами жизненно важным ценностям россиян, российского общества и государства в целом.

В современных условиях Россия может и не быть в XXI веке в арьергарде мирового общества, но у нее есть шанс быть в авангарде нового мироустройства, цивилизации будущего. Россия способна не плестись в хвосте цивилизации потребления, а обозначить горизонты новой цивилизации духа, цивилизации созидания, материального самоограничения и культурного творчества, научного поиска и информационного обмена, разработки новейших технологий. Наибольшее значение имеет духовный потенциал страны — знаменитая русская духовность — важнейшая доминанта созидательного общества, практически игнорируемая на Западе. Человек русской цивилизации более других народов мира ориентирован на духовные и нравственные ценности, что не делало его сильным в господствующей потребительской цивилизации. Это человек сильных чувств, которые не способны нивелировать свехупорядоченное существование современного технологического общества.

Единственным средством вернуть российских граждан к социально-здоровому образу жизни и уберечь общество от вымирания является возрождение духовной культуры. Выступая на 10-м Всемирной Русском Народном Соборе "Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке", Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий Второй подчеркнул, что Россия, несмотря на все перипетии прошлого века, сохраняет статус великой державы. В тоже время, по его словам, данную реальность нужно рассматривать не как повод для самоуспокоения, а как возможность для того, чтобы все новые и новые круги общества включились в построение будущего, основанного на традиционных духовных ценностях. "Если нам удастся задействовать потенциал традиционных религий России, ее этнического и культурного многообразия и выработать общеприемлемую концепцию по вопросам прав человека и достоинства личности, — отметил Святейший Патриарх Алексий, — это откроет перед нами новые перспективы, поможет изменить и улучшить облик человеческой цивилизации"[4].

Компромисс между интересами личности и общества в рамках нации вырабатывался веками и заключается в нормах национальной морали и нравственности — основе существования сообщества. Признание всеми гражданами общих норм жизнедеятельности, следование этим нормам, предписывающим в определенных ситуациях предпочитать общественные интересы личным, является главным условием жизнеспособности российского общества. Если участники сообщества в критических ситуациях могут поставить безопасность большинства (безопасность сообщества) выше личной безопасности, то сообщество устойчиво, долговременно, жизнеспособно. Можно считать, что такое сообщество и его участники духовно здоровы. В противном случае, когда сообщество не имеет (или лишается) господства морали и соответствующих законов, когда личная безопасность для участников сообщества становится всегда важнее безопасности сообщества, оно будет существовать до первой критической ситуации. Оно нежизнеспособно, как нежизнеспособным окажется и большинство его участников, которых покорит другое, более сплоченное сообщество.

Бесспорно, что непрочным и античеловечным является то общество, в котором человек презирается, а всеми правами над человеком обладает государство и коллектив. Но античеловеческим становится и то общество, в котором человеческие права становятся инструментом раскрепощения инстинкта, а понятия добра и зла смешиваются и вытесняются идеей нравственной автономии и плюрализма. Такое общество теряет рычаги нравственного воздействия на личность. В цивилизованном обществе должен соблюдаться баланс между этими полюсами. Оно должно исходить из понимания того, что каждый человек по природе своей обладает непреходящей ценностью, и в то же время из того, что каждый человек призван возрасти в достоинстве и нести ответственность как перед законом, так и нравственную ответственность за свои поступки.

В российском обществе должен быть заполнен вакуум нравственного воспитания. Свобода и права — это большое достижение человеческой цивилизации, но необходимо подготавливать граждан пользоваться этими правами с учётом нравственных норм. Такой подготовкой должно заниматься государство в тесном сотрудничестве с общественными институтами нравственного воспитания, включая школу и, конечно, традиционные религиозные общины страны. Последнее означает, что государство должно озаботиться разработкой законодательных актов, регулирующих доступ традиционных религиозных организаций в общественные структуры образования, социального служения, здравоохранения, армии. «Государственно-правовая идеология России в XXI веке, — по справедливому выражению А.И. Овчинникова, — должна включать в себя идею не правового государства, а государства нравственного, "государства правды"»[5; 221]. Для возрождения России необходимо опереться на «восстановление святынь» и, прежде всего на восстановление святыни народной души, на религиозно-нравственное возрождение. Единство религиозных, духовных представлений, в конечном счете, и делает сообще-

ство проживающих на определенной территории людей народом. Очевидно, что возрождение веры — часть многогранного процесса возрождения России.

В этой связи национальную безопасность следует интерпретировать как способность государственно-территориальной и духовной общности российских граждан удовлетворять, несмотря на объективно существующие угрозы, те потребности, которые необходимы для обеспечения их самосохранения как нации. Главным же объектом должны быть не пресловутые «интересы личности, общества и государства», а российский народ с присущим им укладом жизни и территорией. Только сохранение уклада и территории гарантирует удовлетворение физиологических потребностей населения, необходимых для его сохранения и воспроизводства, а также социально-духовных потребностей, без которых немислимо самовыражение и всестороннее развитие личности, общества и государства.

Ссылки:

1. Мартышин О.В. Несколько тезисов о перспективах правового государства в России // Государство и право. 1996. №5.
2. Татищев В.Н. Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах // Избр. произ-я. – Л., 1979.
3. Арин О. А. Мир без России. – М., 2002.
4. Алексей Второй: Миссия России — содействие в построении многоукладного мира // <http://www.rg.ru/2006/04/04/patriarh-anons.html>
5. Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме: Монография. – Ростов-н/Д., 2002. С. 221.

References (transliterated):

1. Martyshin O.V. Neskol'ko tezisov o perspektivakh pravovogo gosudarstva v Rossii // Gosudarstvo i pravo. 1996. No.5.
2. Tatishchev V.N. Razgovor dnu priyateley o pol'ze nauki i uchilishchakh // Izbr. proiz-ya. – L., 1979.
3. Arin O. A. Mir bez Rossii. – M., 2002.
4. Aleksey Vtoroy: Missiya Rossii — sodeystvie v postroenii mnogoukladnogo mira // <http://www.rg.ru/2006/04/04/patriarh-anons.html>
5. Ovchinnikov A.I. Pravovoe myshlenie v germenev-ticheskoy paradigme: Monograph. – Rostov-n/D., 2002. P. 221.